

УДК 342.56

DOI: 10.17223/22253513/31/10

И.Ю. Остапович

НОРМАТИВНОСТЬ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕТОДЫ ЕЕ РОЖДЕНИЯ, ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ГРАНИЦЫ

Показаны методы и способы рождения нормативности (правил поведения общего характера) в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Предложена авторская классификация конституционно-контрольного нормотворчества. Проведены анализ законодательства и социологический опрос судей Конституционного Суда, в результате чего определены объективные и субъективные границы (пределы) нормативности, выявляемой в практике конституционного судопроизводства. Сделан авторский вывод о том, что современный состав Конституционного Суда Российской Федерации гармоничен и при вынесении итоговых решений способствует: а) минимизации судейской активности; б) принятию сбалансированных решений; в) конституционной сдержанности Суда (self-restraint).

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, нормативность, универсализация, аналогия, «положительный» и «отрицательный» компаративизм.

Процесс толкования правовых норм органом конституционного контроля можно признать особой разновидностью нормотворческой юридической деятельности, осуществляемой посредством официальной нормативной и казуальной интерпретации конституционных норм компетентным органом на основе специальных принципов особыми методами по собственной инициативе или по требованию правоприменителей. Она состоит в уяснении и разъяснении собственных нормативных правовых предписаний путем издания соответствующих актов толкования, имеющих обязательный характер, с целью установления подлинной воли нормодателя, конкретизации правовых требований, устранения дефектов правотворчества, достижения единообразия правоприменения, развития организационно-творческих возможностей государственных установлений для их эффективной практической реализации [1].

Таким образом, исходя из конституционно-правового определения толкования, осуществляемого специализированным органом конституционного контроля, предложим авторскую дефиницию. Толкование – это процедура, осуществляемая в установленном законом порядке и включающая определение конституционно допустимых границ применения норм, конституционность которых подвергается сомнению, либо выявление их конституционно-правового смысла или же, напротив, несоответствия конституционным положениям. Официальное толкование положений самой конституции

подразумевает разъяснение их содержания, в результате чего впоследствии нормотворческая деятельность будет строиться на основе сформулированных в акте толкования правовых позиций. В этих целях орган конституционного контроля производит совокупность действий, направленных на интерпретацию нормы, включающих научное познание и логические операции, позволяющие сформулировать в конечном итоге акт волеизъявления, адресованный как законодателю, так и правоприменителю. По сути, это означает, что толкование, осуществляемое специализированным органом конституционного контроля (конституционным судом, советом), выступает своеобразным вариантом нормотворческого процесса – конституционно-контрольным нормотворчеством, реализуемым в деятельности исключительно этого органа.

Исходя из изложенного, предлагается авторская классификация стадий конституционно-контрольного нормотворчества специализированных органов конституционного контроля.

Во-первых, самостоятельное прямое (непосредственное) нормотворчество – временное установление правил поведения конституционным судом (советом) до принятия закона. Так, Конституционный Суд Российской Федерации (далее Конституционный Суд или Конституционный Суд РФ) использует следующую оговорку: «...*впредь до внесения надлежащих законодательных изменений судам при применении ч. 3 ст. 18.8 КоАП Российской Федерации в случае однократного неисполнения иностранным гражданином правил уведомления о подтверждении проживания в Российской Федерации следует руководствоваться выраженными в данном Постановлении правовыми позициями*»¹. Кроме того, в тех случаях, когда норма целиком признается неконституционной, Конституционный Суд в своем решении нередко предписывает временное регулирование вплоть до внесения необходимых изменений в законодательство [3. С. 29]. Таким образом, орган конституционного контроля для сохранения целостности правовой системы и стабильности правоприменения выявляют общее правило поведения (нормативность), в том числе в случае признания нормы неконституционной, и тем самым минимизируют правовые пробелы.

Во-вторых, самостоятельное косвенное (опосредованное) нормотворчество – сформированное Конституционным Судом правило, отраженное в принятом и вступившем в действие законе. Грань между *прямым* и *косвенным* состоит в том, что как только нормативный правовой акт вступает в действие, *прямое (непосредственное)* переходит в статус *косвенного (опосредованного)*. Такой вывод сделан автором на основании того, что законодатель (другой нормотворческий орган) при разработке нормативного акта использует *правило, сформулированное Конституционным Судом*.

¹ Постановлением от 17 февраля 2016 г. № 5-П Конституционный Суд РФ дал оценку конституционности положений п. 6 ст. 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», ч. 1 и 3 ст. 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подп. 2 ч. 1 ст. 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [2].

Иногда практикуется упрощенный подход, в частности законодатель воспроизводит его в законе дословно.

Акцентируя внимание на данных видах самостоятельного конституционно-контрольного нормотворчества, следует отметить различие в деятельности органа конституционного контроля и парламента. Оно состоит в особой юридической природе, источником которой является не воля законодателя, определяемая потребностями текущего момента, а обнаруженная в процессе правоприменения предполагаемая неконституционность, неопределенность нормы либо ее недостаточность для должной правовой квалификации общественных отношений. Поэтому в деятельности органа конституционного контроля нормотворчество приобретает особый вектор, направленный не столько на создание общего правила поведения, сколько на установление его соответствия основному закону государства.

В-третьих, особенности нормотворческой активности, подразумевающие участие органа конституционного контроля в законодательном процессе и в иных формах нормотворческой деятельности, имеющих специфический порядок, установленный законом. Нормотворческая активность в деятельности Конституционного Суда имеет специфику, обусловленную осуществлением предварительного контроля только в отношении не вступивших в силу международных договоров.

Здесь следует обратить внимание на то, что особенность нормотворческой активности специализированного органа конституционного контроля в рамках предварительного контроля – это часть законодательной процедуры, за которую в целом отвечает парламент.

В-четвертых, особенность участия Конституционного Суда РФ в иных нормотворческих процессах. Так, в рамках предоставленных полномочий орган конституционного контроля принимает участие в следующих формах нормотворческой деятельности: а) осуществление проверки актов главы государства и постановлений правительства, при реализации которой Суд конституционализирует их нормотворческий процесс; б) участие в референдумном или избирательном процессе (проверяются акты, выносимые на референдум, или правильность проведения выборов при формировании органов государственной власти); в) определение возможности реализации решения межгосударственного органа – когда выявляются не правила поведения, а конституционно-допустимые границы, в рамках которых нормотворческие органы принимают нормативные правовые акты. Указанный вид следует отнести к *участвующему (партисипаторному) нормотворчеству*.

Таким образом, *партисипаторное нормотворчество* вносит существенный вклад в развитие национальной правовой системы и представляет интерес для научного анализа.

Подводя итог вопросам самостоятельного (прямого и косвенного) конституционно-контрольного нормотворчества, особенностям нормотворческой активности и партисипаторному нормотворчеству, а также технологиям, приближающим деятельность Конституционного Суда к нормотворческим органам, необходимо обратить внимание на то, что *решения, принимаемые*

в рамках предварительного контроля, с точки зрения нормотворческого эффекта эквивалентны решениям, принимаемым в рамках последующего контроля.

Таким образом, самостоятельное конституционно-контрольное нормотворчество и нормотворческая активность органа конституционного контроля дополняют друг друга, что реализуется через ряд специально представленных конституционными нормами или законом полномочий. При этом конституционно-контрольное нормотворчество является одним из структурных элементов реализации органом конституционного контроля предоставленных ему полномочий, а не самостоятельной функцией этого органа. Основываясь на особом статусе и исключительном круге полномочий органов конституционного контроля, следует признать, что нормотворчество в их деятельности получает специфическое содержание.

Конституционное регулирование является наиболее значимым для страны [4. С. 7-8]. Поэтому конституционно-контрольное нормотворчество осуществляется с использованием особых приемов и методов, присущих исключительно органу конституционного контроля. Говоря о конституционно-контрольном нормотворчестве, уместно показать способы рождения нормативности – *универсализация, аналогия, системный анализ, «положительный» и «отрицательный» компаративизм*. При этом под «положительным» компаративизмом подразумеваются ряд случаев, когда орган конституционного контроля обращается к зарубежному опыту, чтобы показать, что аргумент, приводимый в итоговом решении, ранее уже использовался иностранными коллегами, а потому заслуживает доверия [5. Р. 551]. Под «отрицательным» компаративизмом, или негативным цитированием, понимается использование в конституционном правосудии (и более широко – в конституционном праве) иностранного опыта [6; 7. Р. 296–324].

Наибольшее количество велений в адрес законодателя Конституционный Суд России вывел из *универсальных* принципов верховенства права и правового государства, обогатив правовой арсенал юристов представлениями о таких принципах, как принцип правовой определенности, принцип публичной достоверности правовых норм, принцип соразмерности ограничений и др.

Из этого можно сделать вывод, что нормативность решений органов конституционного контроля появляется за счет универсализации, подразумевающей обобщение содержащихся в них правовых позиций и распространение их на широкий перечень общественных отношений. Кроме того, через универсализацию решение может быть применено не только в конкретном деле, но и по *анalogии* в неограниченном количестве сходных ситуаций. Таким образом, *универсализация и аналогия* способствуют оптимизации нормотворческой и правоприменительной деятельности, поскольку постановленное решение становится эталоном, определяющим ее направления как для правоприменителя, так и для законодателя.

Конституционный Суд активно ссылается в своих решениях на правовые принципы, которые укрепляют их позиции и тем самым оказывают

воздействие на правотворческую и правоприменительную деятельность. Как справедливо отмечает профессор Л.Ф. Евменов, проблема принципов является ключевой в правах человека [8. С. 60]. В европейской практике (судебной, иной правоприменительной) принципы рассматриваются в качестве источника права, например в Австрии, Германии, Греции, Испании [9. С. 218].

Таким образом, с помощью универсализации орган конституционного контроля может не столько способствовать «дисквалификации» правовых норм, сколько определять условия их конституционно допустимого применения. И выявленный конституционно-правовой смысл нормы становится единственно возможным и для правоприменителя, и для законодателя при дальнейшем развитии урегулированных этой нормой общественных отношений.

Кроме того, органами конституционного контроля достаточно широко используется *аналогия* как способ выработки нормативности постановленных решений, т.е. нормативность, вырастающая по типу аналогии. Например, само правило, выработанное в процессе конституционного контроля, завязано на конкретную жизненную ситуацию (имеет индивидуальную направленность), поэтому нормативность в нем и не демонстрируется. Со временем эта высказанная позиция применительно жестко к конкретному делу в рассмотрении Суда, да еще с огромным количеством фактических обстоятельств, заужающих предмет рассмотрения и сферу применения решения Конституционного Суда, вдруг начинает работать шире. То есть сказанное по сути, но применительно к конкретной жизненной ситуации, может в дальнейшем через *универсализацию* и *аналогию* применяться к другим сферам правоотношений. Вот так может рождаться нормативность.

В России в отношении аналогичных обращений, поданных тогда, когда по схожему обращению уже было вынесено решение, Конституционный Суд России на основании ст. 47.1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» принимает последующую жалобу к рассмотрению в письменном производстве [10. С. 8–9; 11. С. 21–23] либо отказывает в рассмотрении жалобы на том основании, что ранее по данному вопросу уже было принято постановление, сохраняющее свою силу, и выносит определение с позитивным содержанием. П.Д. Блохин обоснованно отмечает, что формулируя итоговый вывод своего решения о конституционности или неконституционности нормы по *анalogии*, Конституционный Суд, по сути, создает новую правовую норму [12. С. 29–38] применительно к другим, но схожим правоотношениям.

Таким образом, и в приведенном случае путь создания нормы права отличается от нормотворческой деятельности органов законодательной и исполнительной власти. В конституционно-контрольном процессе «спорным правоотношением» становится правовая норма, конституционность которой вызывает сомнение. В результате толкования, данного органом конституционного контроля, она «дисквалифицируется» и утрачивает силу либо обретает конституционно допустимое содержание. Орган конституционного контроля действует как нормотворец, но использует при этом не

ординарный порядок нормотворчества (инициатива–разработка проекта–принятие–опубликование), а особенный, предоставленный ему в рамках конституционно установленных полномочий.

Аналогия требуется для упрощения квалификации правоотношения, которой в данном случае становится процедура определения конституционно допустимых рамок применения исследуемой правовой нормы. С учетом широко известных особенностей аналогии орган конституционного контроля может как расширить, так и сузить конституционно допустимое содержание проверяемого законоположения, не признавая его неконституционным и проявляя при этом принцип разумной сдержанности. В основу этого могут быть положены различные доводы, относящиеся к важности сохранения стабильности правового регулирования. Так, выявив правовую неопределенность в положениях гражданского процессуального законодательства, Конституционный Суд РФ не стал признавать их неконституционными, мотивировав это тем, что *иное решение – без одновременного создания системы своевременного предупреждения и исправления судебных ошибок – привело бы к процессуально-правовому вакууму, дезорганизации не только деятельности судов надзорной инстанции, но и в целом гражданского судопроизводства* [13].

Следующий способ рождения нормативности – *системный анализ*, вследствие чего решения могут содержать правила, устанавливающие структурные связи между рассматриваемым нормативным правовым актом и другими исследуемыми актами в соответствии с конституционными положениями. Как известно, еще в начале XX в. как первое условие упорядоченной общественной жизни рассматривалась правовая определенность принятого нормативного акта. И.А. Покровский, например, указывал, что любая неясность в этом отношении противоречит самому понятию правопорядка [14. С. 106]. Сто лет спустя Н.В. Витрук отмечал, что при формулировании правовой позиции Конституционного Суда РФ снимается конституционная неопределенность и появляется правовое основание для вынесения Конституционным Судом РФ итогового решения [15. С. 111]. В Постановлении от 11 июля 1999 г. № 15-П Конституционный Суд РФ, применив метод системного анализа, специально указал, что неопределенность содержания правовой нормы, допускающей возможности неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, неизбежно ведет к произволу, нарушению принципов равенства и верховенства закона [16].

Таким образом, в России орган конституционного контроля применяет метод системного анализа в целях комплексного «охвата» нормативного пространства, позволяющего воздействовать не только на отдельные элементы правовой системы, но и на структурные связи между ними. Во взаимосвязи с ним не исключаются последующее расширение, применение в иных сферах правоотношений, а также определенная *трансформация правовых позиций* в условиях их неизменности [3. С. 347].

Следующий способ рождения нормативности – *положительный и отрицательный компаративизм*. В деятельности Конституционного Суда

России он используется как метод, с помощью которого определяются место общепризнанных принципов и норм международного права в иерархии источников российского права, их соотношение с нормами Конституции, а также особенности признания решений ЕСПЧ.

Конституционный Суд РФ, «в целом проявляющий сдержанность в обращении к иностранным источникам» [17. С. 5-22], тем не менее использует их при обосновании постановляемых решений. Применительно к общепризнанным принципам и нормам международного права можно отметить, что ссылка на них и указание их статуса в российской правовой системе присутствуют практически в каждом (до 90%) постановлении Конституционного Суда РФ.

Специфика конституционно-контрольного нормотворчества в национальной правовой системе определяется с учетом соотношения нормотворческой и правоприменительной деятельности в механизме осуществления конституционного контроля.

Признаками конституционно-контрольного нормотворчества являются:

- осуществление конституционно уполномоченным субъектом – специализированным органом конституционного контроля;
- выражение в легализации или дисквалификации норм действующего законодательства на основании установленного соответствия (несоответствия) конституционным положениям;
- наличие особой юридической процедуры выявления дефектных норм действующего законодательства и признания их неконституционными либо определения конституционно допустимых принципов их применения;
- наличие особой юридической формы, в которой выражается итоговый результат нормотворческой деятельности, приобретающий признаки нормативности и общеобязательности;
- наличие особого механизма принятия решений органами конституционного контроля, имеющего существенные отличия от иных форм нормотворческой деятельности.

Таким образом, конституционно-контрольное нормотворчество – это совокупность особых юридических процедур, основанная на определении конституционно допустимых условий применения уже действующей правовой нормы и устранении из системы правового регулирования положений, не соответствующих Основному закону государства.

Говоря о конституционно-контрольном нормотворчестве и нормотворческой активности в деятельности специализированных органов конституционного контроля, следует акцентировать внимание на *объективных и субъективных пределах*.

Объективные пределы ограничены национальным законодательством и процедурами реализации предоставленных органу конституционного контроля полномочий, прежде всего – конституцией. С точки зрения содержания конституционно-контрольного нормотворчества пределы могут быть заданы на основании его ограничения духом и буквой конституционного текста.

Субъективные пределы – границы, основанные на отношении субъектов конституционного контроля (в узком смысле – судьи, в широком смысле – всех участников конституционного производства). При этом гарантии добросовестности субъективных пределов не вызывают сомнений и определены высокими квалификационными требованиями, предъявляемыми к кандидатам на занятие соответствующей должности. Именно этот аспект призван не допустить ситуации, когда преобразовательная роль органов конституционного контроля войдет в противоречие с их охранительной ролью и конституционно-контрольное нормотворчество начнет жить «самостоятельной жизнью», выйдя за рамки задачи правовой охраны конституции. Кроме того, к субъективным пределам следует отнести наличие представителей разных научных школ права, что оказывает влияние на отличительное отношение (внутреннее убеждение) к разрешению вопросов.

Так, в практике Конституционного Суда РФ при возникновении вопроса о том, что является первичным – конституционность закона или же защита прав человека, – некоторые судьи Конституционного Суда упоминают об использовании в практической деятельности понятий и принципов классической и античной философии («равенство по Аристотелю», определение соотношения права и правового, т.е. основанного на нем, решения [18; 19. С. 165–178; 20]). Кроме того, первичность защиты конституционных прав человека позволила Конституционному Суду РФ выработать, по справедливому утверждению М.А. Митюкова, новые полномочия в случае ограничения конституционных прав человека [21. С. 5–9].

Конституционный Суд РФ сформулировал правило о том, что первичными орган конституционного контроля признает основы конституционного строя и защиту прав и свобод человека, прямо указывая, что положения глав 1, 2 и 9 Конституции РФ по своей юридической силе выше, чем положения ее глав 3–8 [22].

Кроме того, Конституционный Суд изначально исходит из презумпции конституционности закона, признает закон условно соответствующим Конституции, обязывая всех следовать определенному варианту его истолкования, любое отступление от которого будет означать нарушение Конституции [3. С. 319–324]. В данном случае следует говорить о проявлении принципа разумной сдержанности – *self restraint*, – который заключается в непризнании закона неконституционным и исходит из презумпций добросовестности законодателя и конституционности оспариваемого акта.

Подводя итог, отметим, что решения специализированного органа конституционного контроля принимаются коллегиально, различные позиции судей порождают, по мнению автора, определенную *систему сдержек и противовесов* внутри Конституционного Суда. Современный состав Конституционного Суда РФ гармоничен и при вынесении итоговых решений способствует минимизации судейской активности и принятию сбалансированных решений.

Литература

1. Колоколов Я.Н. Аутентическое официальное толкование норм права : теория, практика, техника : дис ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Курск, 2011. 277 с.
2. Обзор практики Конституционного Суда РФ за 2016 год. URL: http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Generalization/Documents/Informations_2016.pdf (дата обращения: 02.11.2018).
3. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М. : Норма, 2017. 592 с.
4. Кравец И.А. Конституционное правосудие: теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса. М. : Юстицинформ, 2017. 400 с.
5. Fontana D. Refined Comparativism in Constitutional Law // UCLA Law Review. 2001. Vol. 49.
6. Stone A. Comparativism in Constitutional Interpretation // New Zealand Law Review. 2009. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1683127
7. Scheppele K.L. Aspirational and Aversive Constitutionalism: The Case for Studying Cross-Constitutional Influence through Negative Models // International Journal of Constitutional Law. 2003. № 2. P. 296–324.
8. Евменов Л.Ф. Международная идеология прав человека: проблемы и решения. Минск : Хата. 2000. 450 с.
9. Василевич Г.А., Остапович И.Ю. Нормативность решений специализированных органов конституционного контроля в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан: сравнительно-правовое исследование. Минск : Право и экономика, 2016. 310 с.
10. Саликов М.С. Новеллы конституционного судебного процесса // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 7–13.
11. Кокотов А.Н. Насущные вопросы регулирования деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2012. № 2. С. 20–27.
12. Блохин П.Д. Аналогия и «ведущие основания решения» в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 4. С. 29–38.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П // Рос. газ. 2012. 30 мая.
14. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. : Гардарики, 2003. 351 с.
15. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.) : очерки теории и практики. М. : Норма, 2001. 508 с.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 1999 г. № 15-П // Рос. газ. 1999. 21 июля.
17. Троицкая А.А., Храмова Т.М. Использование органами конституционного контроля зарубежного опыта // Государство и право. 2016. № 8. С. 5–22.
18. Мнение судьи Конституционного Суда РФ С.П. Маврина, высказанное им во время личной беседы.
19. Батиев Л.В. Закон и право в философии Аристотеля // Правоведение. 2004. № 3. С. 165–178.
20. Зорькин В.Д. Право и правоприменение в Российской Федерации: доктрина и практика // Конституционный Суд РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Search/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.10.2018).
21. Митюков М.А. Полномочия Конституционного Суда РФ в его собственной интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 5–9.
22. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1567-О // Конституционный Суд РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Search/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.10.2018).

Ostapovich Igor Yu., Gorno-Altay State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation)

NORMALIZATION OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION: METHODS OF ITS EMERGENCE, OBJECTIVE AND SUBJECTIVE PURVIEWS

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, normalization, universalization, analogy, "positive" and "negative" comparativism.

DOI: 10.17223/22253513/31/10

Having analyzed the legal doctrine and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author of the present article concludes about the existence of normalization (the rules of conduct of a general character) in the decisions of the Court. The Constitutional Court of the Russian Federation is not engaged in rule-making in its "pure form".

The author comes to conclusion that the normalization is developed by judges only on the basis of "the available rules and constitutional legal principles" and is implemented by means of the procedure of interpretation. It is ascertained that the interpretation given by a specialized organ of the constitutional control is a kind of option of a rule-making process - the constitutional control rule-making that is realized in the course of activity of this body exclusively. The specificity of constitutional control rulemaking is predetermined by the fact that it is a "by-product".

According to the author, not all decisions have the property of normalization since the essence of it lies in its generic character i.e. some decisions of the Constitutional Court have an individual (a law enforcement) character.

Therefore, when implementing the constitutional supervisory powers, normalization in the decisions can either become obvious or not. The author proposes the classification of constitutional control rule-making and highlights, in particular, an independent direct rule-making and an independent indirect (mediated) rule-making. He shows the methods and ways of emergence of normalization in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Constitutional control rule-making is carried out with the use of special techniques and methods inherent only in the body of constitutional control provided that the ways of emergence of normalization differ from the types of interpretation – universalization, analogy, a "positive" and "negative" comparativism.

Having analyzed the legislation and having held the opinion poll of the Constitutional Court judges, the author revealed both objective and subjective purviews (limits) of normalization in constitutional proceedings. He concludes that a modern composition of the Constitutional Court of the Russian Federation is harmonious and while making final decisions it promotes: a) the minimization of judicial activity; b) the adoption of balanced decisions; c) the constitutional restraint of the Court (self-restraint).

References

1. Kolokolov, Ya.N. (2011) *Autenticheskoe ofitsial'noe tolkovanie norm prava: teoriya, praktika, tekhnika* [Authentic official interpretation of the norms of law: theory, practice, technique]. Law Cand. Diss. Kursk.
2. Ksrif.ru. (n.d.) *Obzor praktiki Konstitutsionnogo Suda RF za 2016 god* [Review of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation for 2016]. [Online] Available from: http://www.ksrif.ru/ru/Decision/Generalization/Documents/Informations_2016.pdf. (Accessed: 2nd November 2018).
3. Zorkin, V.D. (2017) *Konstitutsionnyy Sud Rossii: doktrina i praktika* [The Constitutional Court of Russia: Doctrine and Practice]. Moscow: Norma.
4. Kravets, I.A. (2017) *Konstitutsionnoe pravosudie: teoriya sudebnogo konstitutsionnogo prava i praktika sudebnogo konstitutsionnogo protsessa* [Constitutional justice: the theory of judicial constitutional law and the practice of the judicial constitutional process]. Moscow: Yustitsinform.

5. Fontana, D. (2001) Refined Comparativism in Constitutional Law. *UCLA Law Review*. 49.
6. Stone, A. (2009) Comparativism in Constitutional Interpretation. *New Zealand Law Review*. [Online] Available from: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1683127.
7. Scheppele, K.L. (2003) Aspirational and Aversive Constitutionalism: The Case for Studying Cross-Constitutional Influence through Negative Models. *International Journal of Constitutional Law*. 2. pp. 296–324. DOI: 10.1093/icon/1.2.296
8. Evmenov, L.F. (2000) *Mezhdunarodnaya ideologiya prav cheloveka: problemy i resheniya* [International ideology of human rights: problems and solutions]. Minsk: Khata.
9. Vasilevich, G.A. & Ostapovich, I.Yu. (2016) *Normativnost' resheniy spetsializirovannykh organov konstitutsionnogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii, Respublike Belarus' i Respublike Kazakhstan: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The normativity of the decisions of the specialized bodies of constitutional control in the Russian Federation, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan: a comparative legal study]. Minsk: Pravo i ekonomika.
10. Salikov, M.S. (2011) Novels of constitutional judicial process. *Rossiyskiy yuridicheskij zhurnal – Russian Juridical Journal*. 4. pp. 7–13. (In Russian).
11. Kokotov, A.N. (2012) Current questions of regulation of the Constitutional Court of the Russian Federation activity. *Rossiyskiy yuridicheskij zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2. pp. 20–27. (In Russian).
12. Blokhin, P.D. (2014) Analogy of law and “leading grounds of decision” in constitutional justice. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 4. pp. 29–38. (In Russian).
13. Russian Federation. (2012) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14 maya 2012 g. № 11-P [Resolution No. 11-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 14, 2012]. *Rossiyskaya gazeta*. 30th May.
14. Pokrovsky, I.A. (2003) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. Moscow: Gardariki.
15. Vitruk, N.V. (2001) *Konstitutsionnoe pravosudie v Rossii (1991–2001 gg.): ocherki teorii i praktiki* [Constitutional justice in Russia (1991–2001): Essays of theory and practice]. Moscow: Norma.
16. Russian Federation. (1999) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11 iyulya 1999 g. № 15-P [Resolution No. 15-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 11, 1999]. *Rossiyskaya gazeta*. 21st July.
17. Troitskaya, A.A. & Khramova, T.M. (2016) The Use of Foreign Law in Constitutional Adjudication. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 8. pp. 5–22. (In Russian).
18. Mavrin, S.P. (n.d.) *Mnenie sud'i Konstitutsionnogo Suda RF S.P. Mavrina, vyskazannoe im vo vremya lichnoy besedy* [Opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation S.P. Mavrin, expressed during private conversation].
19. Batiev, L.V. (2004) *Zakon i pravo v filosofii Aristotelya* [Law in Aristotle's philosophy]. *Pravovedenie*. 3. pp. 165–178.
20. Zorkin, V.D. (n.d.) *Pravo i pravoprimenenie v Rossiyskoy Federatsii: doktrina i praktika* [Law and law enforcement in the Russian Federation: doctrine and practice]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Search/Pages/default.aspx>. (Accessed: 20th October 2018).
21. Mityukov, M.A. (2004) Polnomochiya Konstitutsionnogo Suda RF v ego sobstvennoy interpretatsii [Powers of the Constitutional Court of the Russian Federation in its own interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 283. pp. 5–9.
22. Constitutional Court of the Russian Federation. (2014) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 17 iyulya 2014 g. № 1567-O* [Definition No. 1567-O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 17, 2014]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Search/Pages/default.aspx>. (Accessed: 20th October 2018).